

КАФЕДРА

Серый поток

Михаил Шолохов: из неизвестного и забытого. К 100-летию со дня рождения

Валентин Осипов

Партагитроп, чтобы возвышать Шолохова, внушал, что он жрец партийности и социализма. Кое-кто из нынешних недругов писателя тоже использует эти былые звания, но с иными воцелениями – сбросить классика с корабля современности. Однако писателя-нобелевца никак не вписать в прокрустово ложе политпристрастий. Каким же он был на самом деле? Ответ в некоторой подборке из речей, писем и интервью.

Судьба писателя: приговоры от правых и левых

1927 год. Вл. Ермаков, один из столпов рапповской критики, высказался о рассказах Шолохова: «Отклонение от стили пролетарской литературы...»

1928-й. Шолохов в письме о том, как отнеслись к рукописи «Тихого Дона» в «Политиздате»: «Замахали руками, как черти на ладан: «Восхваление казачества! Идеализация казачьего быта! И все в этом роде». Но завершил тираду: «Дратья буду до конца!»

1929-й. Группа «Перевал» в журнале «Печать и революция»: «Художественная удача суждена Шолохову тогда, когда он показывает быт вчерашнего дня, а не текущую действительность...»

1930-й. Из свидетельств Шолохова: «Получил я письмо от Фадеева по поводу 6-й части... Предлагает мне сделать такие изменения, которые для меня неприемлемы... Говорит, ежели я Григория не сделаю своим, то роман не может быть напечатан...»

Из речи Фадеева на комфракции РАППа: «Возьмите Либединского и Шолохова. Можно их объединить? Вы чувствуете у Либединского, даже когда он ошибается, что это ошибки коммуниста, что это писатель-коммунист, что книга, где он не ошибается, ваша, коммунистическая. У Шолохова вы видите, что это элемент переделывающийся, крестьянский или казачий, что идеология его другая, не ваша».

1940-й. Из выступления Фадеева при обсуждении романа в Комитете по Сталинским премиям: «Все мы обижены конном произведением в самых лучших советских чувствах. Потому что 14 лет ждали конца: а Шолохов привел любимого героя к моральному опустошению. 14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, и ничего не получилось в результате рубки... Мое личное мнение, что там не показана победа сталинского дела».

Шолохов как-то признался жене: «Я ввинчен до отказа... полная моральная дезорганизация... отсутствие работоспособности, сна...» Но высказал и

хвалить «своих» писателей и порочить «инаковещующих».

В еще одной статье этих дней добавил: «Плох был бы тот писатель, который приукрашивал бы действительность в прямой ущерб правде...»

«Серый поток...»

1954-й. Речь на II Всесоюзном съезде писателей превратили в догматическую по цитате: «Каждый из нас пишет по указке своего сердца. А сердце принадлежит партии и родному народу, которому мы служим своим искусством». Но замалчивается иное:

«Наш съезд протекает прямо-таки величаво, но, на мой взгляд, в нехорошем спокойствии. Бесстрастные лица докладчиков, академически строгие доклады, тщательно отполированные выступления большинства... Неужели все вопросы, которые волновали нас в течение двадцати лет, уже решены и нам остается только подбить итоги достижений и напечатать за это время ошибок? Остается нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы... Была ли напечатана хоть одна критическая статья, в полную меру, без всяких скидок, оговорок и оглядок выдающаяся должное какому-либо литературному мэтру за его неудачное произведение? У нас не может и не должно быть литературных сессий-сметов и лиц, пользующихся правом неприкосновенности. Мы обязаны ходатайствовать перед правительством о коренном пересмотре системы присуждения премий работникам искусств и литературы, потому что так продолжаться не может. «Литературной газете» нужен руководитель, стоящий вне всяких группировок и группировок, человек, для которого должна существовать только одна дама сердца – большая советская литература в целом, а не отдельные ее служители, будь то Симонов или Фадеев, Эренбург или Шолохов».

Показал широту своих взглядов, стал перечислять, как выразился, «подлинно талантливые произведения»; дескать, хотя и идейно-творческий табачок врозь, а читать интересно. Назвал с похвалами ортодокса и давнего недруга-рапповца Гладкова и подозрительного для ЦК Леонида Леонова, Твардовского с его начинающимся противопоставничеством власти и демократизмом аполитичного Константина Паустовского, опального у себя в Казахстане «националиста» Мухоморова и заблудившегося своим «Окопами Сталинграда» Виктора Некрасова, будущего диссидента-эмигранта. С особым уважением обратился к Валентину Овечкину, автору критических для сталинского наследия в руководстве сельским хозяйством очерков «Районные будни».

В обиходе высказываний классика об этом партийно-ли-

тературном методе почему-то не упоминают одно весьма красноречивое. Один чешский журналист обратился к нему с вопросом: «Что такое социалистический реализм?»

«Теория – не моя область. Я просто писатель. Но об этом я разговаривал с Александром Фадеевым незадолго до его смерти. «Представь, кто-нибудь спросит тебя, что такое социалистический реализм, что ты ответишь? И он сказал: «Если надо было бы ответить ко всей откровенности, то сказал бы просто – а черт его знает».

Последовал вопрос в лобовую: «Считаете ли себя социалистом?» – «Ваш вопрос заставляет меня вспомнить, что марксистские теоретики сперва считали меня кулаком-капиталистом, потом объявляли контрреволюционным писателем, но в последнее время говорят, что я всю жизнь был социалистическим реалистом».

Гражданская все еще идет...

Властолубие... административность... перестройка. Треть века минуло – и только после смерти Шолохова, к концу 80-х годов, осмелились начать вслух гвоздить «административно-командную систему» (взамен придумали перестройку культуры, которая поощряла систему повсеместного шоу-бизнеса).

О социализме

В обиходе высказываний классика об этом партийно-ли-

О Пастернаке

1957-й – год истеричной кампании по уничтожению автора «Доктора Живаго» и запрета на издания этого романа. Член ЦК Шолохов в Париже с интервью: «Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе, вместо того чтобы запрещать ее».

И тут же от посла СССР шифровка. Она обречает два грифа: «Секретно» и «Всем членам Политбюро». Ответ решителен: «Обратить внимание М.Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам». Послано указание: «Примите меры...» «Меры» оказались, увы, тупыми – стали мешать высказываться, когда встречался с журналистами. Эхо этому в новой для ЦК шифровке из Парижа было: «Еще одно интервью и в приложении перевод. Партизанские чистилищные строки журналиста – как только следовал острый вопрос, так писатель выслушивал от приставленных работников посольства «заботливое»: «Мы опаздываем!»

Гражданская все еще идет...

Однако же вновь еретические мысли: «Критика в Советском Союзе мне кажется такой же отстающей, как и литература...»

Нобелевские страницы

Из решения Нобелевского комитета: «За художественную силу и честность, с которыми он создал историческую часть жизни русского народа в своем «Тихом Доне».

Из интервью шведским журналистам:

«Что вы можете сказать о модернизме в литературе? Ответ: «Литература должна обновляться эволюционно».

«Были ли мысли о деньгах? Ответ: «Важно признание, а не деньги».

«Учили ли западные литераторы у русских и наоборот? Ответ: «Толстой говорил, что учился у Стендаля. Русская литература не возникла из ничего. Также и Пушкин. И наоборот, творчество Толстого и Достоевского обогащало западную литературу».

«Какие качества должен иметь хороший роман? Ответ: «Художественную силу и честность, как сказано в решении Нобелевского комитета».

«Основное в работе писателя? Ответ: «Ум и труд».

«В чем прелесть охоты и рыбалки? Ответ: «В этом возможность отдохнуть на природе. А мысль продолжается все время».

«Многие думают, что западный и восточный мир сближаются? Ответ: «Это, признаться, не моя область знаний».

«В чем отличие русского народа от советского? Ответ: «Нет разницы. Я интернационалист».

«Почему вы не стали лириком? Ответ: «Видимо, талант у меня такого направления. По-

этию я люблю, но в ней совершенно бездарен».

«Как чувствуете себя, когда видите свой успех? Ответ: «Когда легко пишется, я бросаю писать, так как это подозрительно...»

«Вы связаны с методом социалистического реализма? Ответ: «Что об этом думать, читайте, что я написал».

«Ваше отношение к творчеству Солженицына? Ответ: «Не всякую мемуарную литературу можно отнести к художественной».

Из Нобелевской лекции: «Многие молодые течения в искусстве отвергают реализм... На мой взгляд, подлинным авангардом являются те художники, которые в своих произведениях раскрывают новое содержание, определяющее черты жизни нашего века. И реализм в целом, и реалистический роман опираются на художественный опыт великих мастеров прошлого. Но в своем развитии приобрели существенно новые, глубоко современные черты...»

М.Греков. Течанка

Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки ее на благо человека...»

Мы живем на земле, подчиняясь земным законам, и, как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра...»

Говорить с читателем честно, говорить людям правду – подчас суровую, но всегда мужественную...»

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив...»

Сталин под пером писателя:

В романах... В «Тихом Доне» нет даже имени вождя, хотя по тогдашним правилам обязан был быть – ведь Сталин посланец ЦК на Южном фронте.

В «Поднятой целине» он не персонажируется в контексте узаконенной формулы «сталинская коллективизация»: ни сюжетных с ним сцен, ни портрета, ни оценок «от имени народа». Зато в главе, где появляется Давыдов, выписан политический отклик с ним спор местного партийца: как проводить коллективизацию. По Ленину; шая крестьян, как был убежден Шолохов. Или по Сталину – с беспощадным раскулачиванием, что и было столь правдиво запечатлено в романе.

В «Они сражались за Родину» генералиссимус – без единого восхваления! – ввергнут в страстные споры о том, каковы последствия того, что «с закрытыми глазами страной правит».

Речь о его ответственности за изничтожение командных кадров перед войной и вообще за нанесение партии «тяжелого урона». Есть и такая реплика: «На Сталина обижаясь. Мешает одно. Мы с ним не на равных: если я отношусь к нему с неприязнью, то ему на это наплевать, ему от этого ни холодно, ни жарко, а вот он отнесся ко мне неприяз-

ногибших верных сынов Родины и партии, тысячи загубленных жизней их близких?»

Об истоках культа Сталина

Из статьи к 60-летию вождя (1939): «Мне кажется, некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок сыну (в последние годы жизни): «А что же еще у нас могло после революции получиться? Вот, скажем: «Вся власть Советам». А кого в Совет... А ты с этим в хутор приди, к живым людям... Кто же будет от них депутатом? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили после войны одно умение – получать приказы да отдавать. И летит хуторской комиссар сломя голову к станичному за приказом. А тот, такой же умелец, как он сам, только званием повыше, – в область. А тому куда? Тут уж хочешь не хочешь, а должен где-то на самом вершине появиться вождь. Именно вождь. Верховный Главнокомандующий. Человек, способный взять на себя смелость принять окончательные, верховные решения... Для всех. Сверху до низу и от Москвы до самых до окраин...»

М.Греков. Течанка

Пространен монолог. Но он свертчаток, если сравнивать с тем, что у других в многостраничном изложении стало появляться в печати в перестройку после 1985 года. Приоритет Шолохова в том, что, пожалуй, первым стал говорить не об особенностях личного характера Сталина, тем более – клинически, как это стало модным с перестроечных баталлий на темы советской истории.

О расстреле рабочих

1962-й. Публично раскритиковал решение расстрелять демонстрацию рабочих Новочеркаска. Это был протест против повышения цен на продовольствие. Расправу скрыли от народа – ни слова в печати. На Дон прибыл второй секретарь ЦК с заданием осудить обком и всех местных партийцев – мол, не смогли справиться без вмешательства армии. Ораторов объявили кающимися.

На трибуне Шолохов с речью о другом: «Почему повышаются цены, не посоветовавшись с народом... Как же мы, партия, можем стрелять в народ?.. В президиум оторопь, московский начальник в полубоюмоке, в зале оцепенение. Спустя четыре года в гости к Шолохову направили один отставной генерал. И вдруг признался, что командовал полком в Новочеркасске. Писатель прервал встречу: «Это невиданное преступление верхов, оказавшихся неспособными воплощать в жизнь благородные по своей сути и содержанию идеи социализма».

«Гражданская и сейчас еще идет...»

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

О расстреле рабочих

1962-й. Публично раскритиковал решение расстрелять демонстрацию рабочих Новочеркаска. Это был протест против повышения цен на продовольствие. Расправу скрыли от народа – ни слова в печати. На Дон прибыл второй секретарь ЦК с заданием осудить обком и всех местных партийцев – мол, не смогли справиться без вмешательства армии. Ораторов объявили кающимися.

На трибуне Шолохов с речью о другом: «Почему повышаются цены, не посоветовавшись с народом... Как же мы, партия, можем стрелять в народ?.. В президиум оторопь, московский начальник в полубоюмоке, в зале оцепенение. Спустя четыре года в гости к Шолохову направили один отставной генерал. И вдруг признался, что командовал полком в Новочеркасске. Писатель прервал встречу: «Это невиданное преступление верхов, оказавшихся неспособными воплощать в жизнь благородные по своей сути и содержанию идеи социализма».

«Гражданская и сейчас еще идет...»

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами. Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Из диктовок младшему сыну в последние годы: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... У тетки моей, у твоей бабушки двоюродной, Ольги Михайловны, – четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое – бойцы Добровольческой армии, а Валентин – красный... Выбьют красивые белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всплывет этой контре, заживем по-новому!» На коня – и ходу! А мать в слезы – волосы на себе рвет... А через день таким же макарон

Иван влетает. «Был Валька, поллюка? Ну, попадется он мне! Ничего, погоди, мать, немного, выьем вот сволоту эту с нашего Дона, заживем по-старому!» А мать уже об печь головой бьет... И так ведь не раз, не два.

Избрала хуторскую советскую власть. Не хуторяне, конечно. Станичная власть ее избрала... И вот сидит эта новоиз-

бранная власть в атаманской избе или в экспропрированной хате какого-нибудь «хуторского богача». А за окном-то неуютно... Через окно, бывает, и постреливают. Будешь ты ждать, когда тебе пулю в лоб влепят? А то и просто вилами в подходящем месте? Никакой настоящий мужик ждать этого не будет. Повесит он наган на бок, чтоб всем видно было, и пойдет сам врагов искать. И как его определишь, врага-то, когда на тебя чуть не каждый второй чертом глядит? За ведьмами так когда-то гонялись... Час от часу подозренище растет; ползере-ние растет – страх все сильнее; страх подрос, а подозрение, глядь, уже и в уверенность выросло. Остается лишь в «дела» оформить эту подозрительную уверенность, которую тебе напештала твоя «революционная бдительность»... А те, кто не при власти оставались, думаешь, сидели, молчали? Нет, брат, тоже и брыкались, и бодались, и бляели, кто как мог. Вот и разберись тут, кто виноват...»

Он нашел в себе силы подняться до высот стратегической смелых обобщений: «Когда там по вашим учебникам гражданская закончилась? В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие – то по команде, что ни команда – то для людей, мягко сказать, обиды...»

Не уходя от рассуждений об ответственности перед историей: «Дело не в том, к чему человек стремится. Важно лишь то, к чему он приходит. Может, ты думаешь, что Гитлер к катастрофе стремился? Или Сталин... В том-то и беда, что все к благо стремились. Или, ты считаешь, напрасно говорит, что дорога в ад благами намерениями вымощена? Ни по какой другой мостовой человек, милый мой, добровольно в ад не пойдет. А вот по благим намерениям не пойдет, а победит...»

Еще обобщения: «Паршивые, бездарные ученики мы у истории – вот что плохо. А у нее одно, вселенское такое, правило есть. Все, что для предков правым было, для потомков чаще всего неправым оказывается. И далеко ходить не надо. Все, что нашим отцам-дедам дорого было, мы на штыки подняли. Но и все, чем мы сейчас восторгаемся, и всех, кто восторгается, скорее всего уже наши внуки проклянут. А мы все продолжаем думать, что нас минет чаша сия...»

Гомером надо быть, чтобы судить о ближайших потомках из-забыва. А мы что же? Временщины. «И каждому довлеет доля его». Не способны мы и на шаг от «злабы дня» отойти. Ни от злабы дня, ни от злобы групп. Думаем, что наше сиюминутное – это и есть то, что устроит всех во веки веков».

Много чего непостижимого вобрала в себя долгая жизнь М.А. Шолохова. При этом легко уловить главное – стремление к независимости. В этом он проявляет поразительно широкий творческий и нравственный спектр. В газете обо всем не рассказать. Но днями выходит в серии «ЖЗЛ» книга «Шолохов» моего авторства, в ней-то более 600 страниц.

Валентин Осипов Осипов – писатель, лауреат Всероссийской Шолоховской премии.

Союз писателей – не воинская часть и не штрафбат, и стоять по стойке «мирно» никто из писателей не будет

такое: «Лавры Кибальчица меня не пугают».

Оценки литературного процесса: «О загромождениях... бесталанности»

1934-й, из статьи «За честную работу писателя и критика» в канун I Всесоюзного съезда писателей: «О Панферове, в достоянной мере разоблаченном А.М. Горьким, пожалуй, можно бы больше и не говорить, если бы не было у него многочисленных последователей, загромождающих литературу антихудожественными, литературно-бесталанными и бесталанными произведениями... Отсутствие добросовестной, серьезной, отвечающей за свое слово критики... Когда критика прекратит либерально-сюсюканье и покровительственно-родственное отношение к писателю («хоть сопливое, да мое»)... Перестанут групповые зазывалы рас-

В ЦК появилась Записка с оценкой речей Шолохова и Овечкина: «Необоснованно дали отрицательную оценку современной советской литературе. Их критика имела односторонний характер... Отвлекли съезд от серьезного обсуждения важных творческих вопросов...»

Требования перемен

1956-й, из речи на XX партсъезде: «Нет и не будет в ближайшее время добротных книг, если положение в литературе не изменится самым коренным образом... Никаких вперед заданий по «валовому» охвату писателей свободными темами... Да разве человечеством выпущенных книг измеряется рост литературы?.. За последние 20 лет у нас вышло умных, хороших книг наперечет, а вот серьезные хоть отбавляй!.. Определенное отставание литературы от жизни вполне закономерно, потому

тературном методе почему-то не упоминают одно весьма красноречивое. Один чешский журналист обратился к нему с вопросом: «Что такое социалистический реализм?»

«Теория – не моя область. Я просто писатель. Но об этом я разговаривал с Александром Фадеевым незадолго до его смерти. «Представь, кто-нибудь спросит тебя, что такое социалистический реализм, что ты ответишь? И он сказал: «Если надо было бы ответить ко всей откровенности, то сказал бы просто – а черт его знает».

Последовал вопрос в лобовую: «Считаете ли себя социалистом?» – «Ваш вопрос заставляет меня вспомнить, что марксистские теоретики сперва считали меня кулаком-капиталистом, потом объявляли контрреволюционным писателем, но в последнее время говорят, что я всю жизнь был социалистическим реалистом».

В ЦК появилась Записка с оценкой речей Шолохова и Овечкина: «Необоснованно дали отрицательную оценку современной советской литературе. Их критика имела односторонний характер... Отвлекли съезд от серьезного обсуждения важных творческих вопросов...»